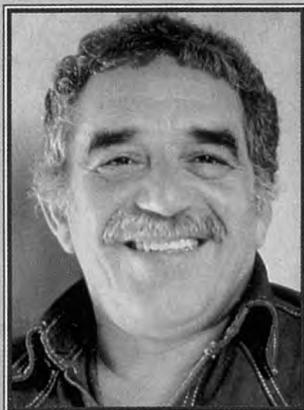

Маркес, Габриель Гарсиа (1928)

Детство все понимает буквально. Шестилетний Габриель Г. Маркес из городка Аракатака, что в округе Магдалена, Колумбия, когда-то поверил отцу, который велел ему сидеть на стуле и не шастать по дому, потому что “дом полон мертвецов”: скорее всего мальчишка просто мешался под ногами, а папа подобрал аргумент, в шесть лет неопровержимый; хотя кто его знает — испанская кровь. Испанцы еще в Старом Свете дали миру праздник сбрасывания козы с коло-

кольни, художника Гойю и лучшую в мире инквизицию; в Новом же, органично дополнив собственные традиции индейскими суевериями, дозрели — не в Колумбии, правда, а в Мексике — до карнавалов в День мертвых, так что папа, возможно, верил сам. Если не зловещая закономерность, то очевидный результат: конкиста гнилостных и сумрачных языческих тропиков народом с самой жестокой и страстной фантазией в Европе дала цивилизацию, где даже период массового террора носит не скучное, как наша цифирь “1937”, а достойное экзотической хищной лианы или шикарной куртизанки имя “Виоленсия”. Виоленсия, Аракатака, Магдалена. Мальчик Габриель тем временем все понимал буквально и ничего, похоже, не забывал. Когда в дом пришел монтер, за ним следом влетела бабочка, и бабушка Габриеля проворчала: ну вот, вечно, как монтер, так бабочки — это о происхождении образа Ремедиос Прекрасной из “Ста лет одиночества” (1967) рассказал в одном интервью сам Маркес; за героиней там действительно неотступно следует стая желтых мотыльков. Еще о бабушке, будучи уже нобелевским лауреатом (1982), писатель вспомнил вот что: когда он, услышав интернациональную песенку “Мальбрук в поход собрался”, озадачился фигурой Мальбрука, та не раздумывая сообщила, что этот Мальбрук “воевал вместе с дедушкой”. Позже потомок нескольких героев гражданской войны (а в Колумбии, где гражданские войны с небольшими перерывами заняли весь XIX век, каждый — потомок какого-нибудь героя) так же не раздумывая напишет, что герцог Джон Черчилль Мальборо, который в Колумбии, разумеется, не бывал, воевал там на стороне федералистов-либералов, т.е. “вместе с дедушкой”. Либералы, между прочим, в последней, “тысячедневной” гражданской, которая закончилась в 1903-м, потерпели поражение: в этом смысле дом Маркесов был действительно полон мертвецов. И так удушливая экваториальная атмосфера отягчается бесславным концом славных поколений; партизанский лес, который в этом климате отрастает на месте покинутых селений за сезон, — дантова selva, скрывающая лазейку в ад; всемирная планта-

лек Эцмьвар, 2003.-16-22 июня. - с. 45-46

ция бананов и коки — не совсем то, за что сражался геройский дедушка; и совершенно салтыковская, из “Истории одного города”, концовка как минимум двух книг Маркеса (пришло Оно, и жилье с людьми сносит ураганом) — реализм не “магический” (см. на М — Майринк), как подозревают одухотворенные почитатели, а самый обычный, исторический. Колумбия — жопа мира; а сознать, что твой Дом — жопа, нелегко. “Домом” назывался большой роман, над которым Маркес работал все 50-е и от которого отпочковались в итоге “Палая листва” (1955), “Полковнику никто не пишет” (1958), “Дурное время” (1962) и “Сто лет”: во всех них есть волшебный, пугающий дом из детства, его мертвецы, бабочки и дикарская, младенческая буквальность, с которой сбываются самые лихорадочные фантазии и предчувствия испанской души.

Дом этот именуется городским топонимом Макондо; одни литературоведы клянутся, что таково самоназвание какого-то африканского народа, иные — что “банан” на языке того африканского народа (тут приплетается версия, что банан, правда, уже в индейских поверьях — ну да, на то и есть Америка, чтобы все смешалось, — растение проклятое); самого Маркеса, который говорит, что так лет шестьдесят назад называлась одна ферма под Аракатакой, никто не слушает. Город, населенный забытыми героями и обреченный вырождению, где кости предков дети носят в заплечном мешке, где кровь сына, нарушая закон тяготения, течет по улицам к матери, где фотографируют Бога, а стариков прячут в шкафу, где делят одиночество с петухами, верят в то, что произошли от цыган — откуда в Колумбии цыгане? — и иногда еще возносятся на небо. Испанская выдумка — причудливая и жуткая; детские страхи — глубокие; но что страхи в сравнении с судьбой дома = города = родины: величественный лес прорежут пошлой железной дорогой и сведут под бананы для гринго; обудется пророчество, и последнего дегенерата в роду съедят термиты, прокричит выпь, задует мусорный ветер, налетит палая листва, хлынет апокалиптический

Осень патриархов: Маркес в гостях у Фиделя, на празднике гаванских сигар, 4 марта 2003 года.

ливень — и обреченного города не станет вмиг. “Похороны Великой Мамы” (1962) — вот три слова о родине, и все с большой буквы.

Как-то изживая свое ностальгическое и патриотическое отчаяние, Маркес выезжал жить в Барселону; написал о своей жене Мерседес один почти оптимистичный роман “Любовь во время чумы” (1985); развенчал диктатуру в “Осени патриарха” (1975) (сделано на социальный заказ: в конце 60-х мексиканский прозаик Карлос Фуэнтес бросил ведущим писателям Латинской Америки клич взяться за большую для континента тему); поддержал даже вождя неосапатистов субкоманданте Маркоса (см. на М), взяв у него конспиративное интервью. А совсем недавно публично призвал к легализации кокаина — потому что иного способа покончить с наркофеодализмом картелей в Колумбии нету; и новость эта принесла в FM-эфир несвойственное ему серьезное, скорбное какое-то настроение. Кажется, с тем же настроением легендарные герои и предки Маркеса подписывали в 1903-м равнозначный капитуляции гражданский мир.